

Октябрьский, а точнее одиннадцатый месяц восемнадцатого года правления Цинюань — ноябрь в столице выдался неизменно сероватым и навевающим уныние. Холодный ветер, пробираясь сквозь одежду, касался самой кожи и оставлял после себя зябкую дрожь.

Шэнь Яогуан в мужском костюме быстрым шагом шла по улице, поправляя вздымаемые ветром рукава. Внезапно очередной порыв студёного ветра заставил её вздрогнуть. Она торопливо достала платок, чтобы прикрыть зачесавшийся нос и сдержать рвущийся наружу чих.

— Нынче зима холоднее обычного, — пробормотала Шэнь Яогуан, окинув круглыми глазами окрестности. Вокруг снували спешащие по своим делам прохожие.

В мыслях она крутила одну и ту же мысль: если бы из книжной лавки не передали весточку с требованием непременно явиться, она бы ни за что не высунула нос на улицу. После чего тяжело вздохнула:

— Жизнь не сахар, а отдуваться одной Яогуан.

Сама она, Шэнь Яогуан, попаданка. Угодила в книгу и стала второстепенной пушечной мясом, чей короткий век упоминался лишь в воспоминаниях главного героя оригинального романа, да и то парой десятков иероглифов.

В книге это описывалось так: «Шэнь Яогуан попыталась опоить его и соблазнить, за что и была убита».

Произведение, в которое она угодила, называлось «Пышное процветание». Это была насквозь шаблонная, безумно слезливая историческая уся-ранобэ о том, как героиня возвращается в столицу из пограничных земель, случайно встречает главного героя, переживает с ним тяжёлую любовную драму и попутно разделяется с негожеями.

Назови её романом для отдыха — так ведь герои оба страдали хроническим молчанием: она бежит, он преследует, сплошные недомолвки, чистое ментальное истощение.

Назови её стеклом — помимо мучений главных героев, расправы над прочими мерзавцами доставляли читателям сплошное удовольствие.

Конечно, всё это Шэнь Яогуан почерпнула из пользовательских рецензий. Сама она осилила ровно первую главу: там главный герой, увидев героиню — её изящный стан, холодное и отстранённое прекрасное лицо, — вспомнил свою невыносимую потерю, белолунную возлюбленную, а заодно припомнил и сводную сестру этой белолунной, которую лично зарубил мечом.

Поскольку у них оказалось одинаковое имя, её словно от души накормили комковатым целебным отваром — в горле застряло, и стало невыносимо тошно. Воспылав праведным

гневом, она просто закрыла вкладку с романом.

Знати бы она заранее, что угодит в книгу, — ни за что не стала бы плевать, наоборот, расхвалила бы отвар, мол, какая вкуснятина, обожаю! Не то что теперь: сюжетных подробностей не знает вовсе, известно лишь одно — до начала основных событий ещё несколько лет, и всё, что ей требуется, — изо всех сил избегать неприятностей и дожить до глубокой старости.

Впрочем, когда она только попала сюда, маленькой Яогуан исполнилось всего шесть лет, что дало ей уйму времени на подготовку. Думается, пока она сама не станет чудить, голову ей точно не отсекут.

Погруженная в эти мысли, Шэнь Яогуан незаметно дошла до улицы Чжумэньцзе, где располагались резиденции столичной знати, и остановилась у боковой калитки большого двора за высокими стенами. Протянув руку, она постучала по дереву — три длинных, два коротких. Скрипнула дверь, створка приоткрылась наполовину, и оттуда выглянула чья-то голова, а затем раздался радостный шёпот:

— Барышня... вы наконец-то вернулись!

— Угу, — бросив на ходу, Шэнь Яогуан проскользнула внутрь и кинула горсть мелкой серебряной монеты стоявшему рядом привратнику-слуге. Не дожидаясь его угодливых благодарностей, она вместе со своей служанкой Цуйцуй поспешно направилась в собственный двор Чжиланьюань.

Её Чжиланьюань был самым отдалённым уголком в западной части поместья княгини Аньго, совсем недалеко от той самой боковой калитки. Посторонние сюда заглядывали крайне редко, что сильно облегчало Шэнь Яогуан тайные вылазки.

Цуйцуй семенила следом и, заметив хрупкую фигурку госпожи, встревоженно окликнула её:

— Барышня, набросьте же накидку! — Не дожидаясь ответа, она тут же укутала плечи Шэнь Яогуан нежно-розовым плащом, который всё это время прижимала к груди.

Шэнь Яогуан, уже готовящаяся сказать «не стоит», передумала и вместо этого спросила:

— Пока меня не было, никто не заходил?

Поправляя плащ, Цуйцуй ответила:

— Заглядывала сестрица Лянь из покоев госпожи. Принесла шкатулку с украшениями и новое платье. Велела завтра надеть его у парадного входа, когда будете встречать старшую барышню, чтобы часом не... — на этом слове Цуйцуй осеклась, опасливо косилась на Шэнь

Яогуан и понизила голос: — ...не разозлить старшую барышню.

Услышав это, Шэнь Яогуан, уже было занёсшая ногу для шага вперёд, замерла и скривила губы:

— Эта моя старшая сестрица — прямо-таки свет в окошке для нашей матушки. Та ужасно боится, как бы её драгоценную доченьку не обидели. Наверное, и наряд этот шили в строгом соответствии с её вкусами.

Упомянутая ею старшая сестра была той самой злосчастной белолунной возлюбленной главного героя из книги.

У супруги князя У-ши имелась лишь одна-единственная доченька. Пятнадцать лет назад, сразу после её рождения, навестивший поместье странствующий даос нагадал ребёнку горькую судьбу: одинокая звезда несчастий, которой не суждено дожить до пятнадцатилетия. Дескать, чтобы изменить рок, необходимо порвать с мирской суетой, уйти в монахини и посвятить себя уединенной духовной практике до самого пятнадцатилетия, и лишь тогда дозволено будет вернуться под родительский кров.

У-ши сперва не поверила и прогнала бродячего прорицателя палками, но в ту же ночь у девочки поднялся непрекращающийся жар. Делать было нечего, и со слезами на глазах ребёнка отправили на воспитание в даосский монастырь Юйцингуань на южной горе столицы.

Теперь, по прошествии пятнадцати лет, мать вознамерилась вернуть дочь в семью, с помпезой справить её обряд совершеннолетия, вывезти в свет и подготовить почву для будущего замужества.

Вот только старшая сестрица оказалась на редкость черствой. Все эти годы У-ши навещалась в Юйцингуань каждые несколько дней, однако та из десяти визитов миловала в лучшем случае один, а возвращаться в поместье на праздник согласилась лишь после того, как мать умоляла её об этом несколько раз.

Всё это было вовсе не из первоначальной книги — она узнала обо всём за годы жизни здесь, наблюдая и прислушиваясь. Сама Шэнь Яогуан никогда в глаза не видела эту старшую сестру, но испытывала к упомянутой белолунной особе жгучее любопытство.

Едва они переступили порог двора, как до их слуха донёсся встревоженный голос кормилицы, матушки Чжань:

— Ай-яй-яй... Барышня моя родная, наконец-то вернулась!

Заметив их, матушка Чжань быстрыми шагами выбежала навстречу, схватила Шэнь Яогуан за руки и всплеснула руками:

— Да что же руки-то такие ледяные! Цуйцуй, живо ступай согрей для барышни грелку! — Приговаривая это, она подхватила девушку под руку и повела в дом.

Шэнь Яогуан с беспомощной улыбкой взглянула на кормилицу и попыталась возразить:

— Матушка, мне вовсе не холодно. На дворе всего лишь ноябрь, какая еще грелка.

— Здоровье у барышни слабое, с теплом шутки плохи! — глаза матушки Чжань покраснели, и она виновато добавила: — Если бы не я тогда...

Заметив, что матушка Чжань снова собирается предаться воспоминаниям о былых ошибках, Шэнь Яогуан обняла её за плечи и ласково заканючила:

— Матушка~ ну матушка же~~~ я проголодалась...

Стоило матушке Чжань услышать о еде, как она тут же замолчала:

— Обед в печи греется, ты пока согревайся, я мигом всё подам! — С этими словами она бросилась на маленькую кухню.

Шэнь Яогуан развязала плащ, прошла в дальнюю комнату и переоделась в синее стёганое платье. Когда она вышла обратно, Цуйцуй уже принесла кувшин с водой, чтобы госпожа омыла руки. Подавая расшитое полотенце, служанка заметила:

— Барышня, сегодня на кухне проявили невиданную щедрость, целых пять блюд да один суп выдали.

Когда матушка Чжань расставила тарелки на столе, Шэнь Яогуан заглянула через плечо и одобрительно хмыкнула:

— Ого, а разносолы-то и вправду хороши!

Однако матушка Чжань и Цуйцуй хранили угрюмое молчание — на лице их госпожи не было заметно ни тени обиды, ни скорби, ни негодования. Их барышня почему-то всегда смотрела на несправедливость к ней с неизменным оптимизмом.

Сама же Шэнь Яогуан искренне считала нынешнюю жизнь вполне сносной. По сравнению с современными офисными рабами-трудягами, здесь она, по крайней мере, одета-обута, да и еда всегда на столе; вот только свободы маловато, да замуж выдадут насильно.

Пусть в романе ей отведено не так много времени, она намеревалась жить. Именно поэтому в

такой собачий холод она и сбежала тайком из дома. За минувшие годы упорного труда ей всё-таки удалось поднять на ноги две лавки, оставшиеся в наследство от покойной матери.

Когда появились собственные доходы, на душе стало спокойнее, а будущее забрезжило надеждой!

Если подумать, матушка её была женщиной выдающейся. Узнав о её прошлых делах, даже сама Шэнь Яогуан невольно поднимала большой палец вверх, восхищаясь её отчаянной смелостью!

<http://bllate.org/book/21409/2184843>